

Научная статья

УДК 398.61(=512.212)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-3-142-152

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ НАСЕКОМЫХ В ЭВЕНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Р. П. Кузьмина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН,

Якутск, Россия

e-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию символической семантики насекомых (комара, вши, жука, гусеницы) в контексте различных жанров фольклора эвенов. *Актуальность* данного исследования обоснована отсутствием всестороннего анализа данной тематики в контексте эвенского фольклора. Настоящее исследование имеет фундаментальное значение для понимания культурного и духовного наследия эвенов, а также для углубленного осмысления механизмов мифологизации и символизации в традиционных обществах. *Новизна* работы заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ образов насекомых в эвенском фольклоре, что позволяет расширить существующие знания о мифопоэтической картине мира этноса и выявить уникальные аспекты его культурного кода. *Цель* исследования заключается в выявлении и анализе мифологических, символических и культурных функций комара, вши, жука, гусеницы в эвенском фольклоре, а также в определении их места в системе традиционных представлений эвенов о мире и природе. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи: выявить мифологические и символические коннотации, связанные с каждым из исследуемых насекомых; определить функциональные аспекты насекомых в эвенской традиции. В рамках исследования применялся комплексный методологический подход, включающий методы контекстуального анализа и семиотического исследования, что позволило не только выявить поверхностное значение образов насекомых в фольклоре, но и раскрыть их глубинную символическую и мифологическую сущность. Анализ эвенского фольклора показал, что образы насекомых играют важную роль в формировании мифологической картины мира эвенов. Мифы о комарах, в частности, символизируют борьбу добра и зла и неизбежные неприятности. Запреты на жалобы на комаров отражают мифологические и воспитательные аспекты, направленные на поддержание гармонии с окружающей средой. Вши у эвенов являются многофункциональными символами, предвещающими беду или смерть. Их появление в мифологическом контексте может интерпретироваться как знак вмешательства сверхъестественных сил. В эпосе вши символизируют жизненный цикл, что подчеркивает их важность в понимании человеческой судьбы. Эвенские приметы, связанные с жуками, указывают на их связь с погодными явлениями. Активность жуков рассматривается как индикатор грядущих изменений в природе, что свидетельствует о глубоком понимании эвенами природных циклов. Мохнатая гусеница в мифологии выступает как дух-хозяин оленя. Гусеница символизирует цикличность природных процессов и гармонию между человеком и природой. Перспективы исследования предполагают углубленное изучение символических образов насекомых в эвенском фольклоре, а также расширение географического и временного контекста исследования для выявления универсальных и специфических характеристик восприятия этих образов различными этническими группами.

Ключевые слова: запреты; фольклор; насекомые; приметы; символика; эпос; мифология; лингвокультура; эвенский язык; образ

Для цитирования: Кузьмина Р. П. Символические образы насекомых в эвенском фольклоре. *Эпосоведение*. 2025;3(39):142–152. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-142-152>.

Original article

Symbolic images of insects in Even folklore

Raisa. P. Kuzmina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
e-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the symbolic semantics of insects (mosquito, louse, beetle, caterpillar) in the context of various genres of Even folklore. The relevance of this study is justified by the lack of a comprehensive analysis of this topic in the context of Even folklore. This study is of fundamental importance for understanding the cultural and spiritual heritage of the Evens, as well as for an in-depth understanding of the mechanisms of mythologization and symbolization in traditional societies. The novelty of the work lies in the fact that for the first time a comprehensive analysis of insect images in Even folklore is carried out, which allows us to expand existing knowledge about the mythopoetic picture of the world of the ethnic group and identify unique aspects of its cultural code. The aim of the study is to identify and analyze the mythological, symbolic and cultural functions of the mosquito, louse, beetle, caterpillar in Even folklore, as well as to determine their place in the system of traditional Even ideas about the world and nature. To achieve this goal, the following tasks were formulated: to identify the mythological and symbolic connotations associated with each of the insects studied; to determine the functional aspects of insects in the Even tradition. The study used a comprehensive methodological approach, including contextual analysis and semiotic research, which allowed not only to identify the superficial meaning of insect images in folklore, but also to reveal their deep symbolic and mythological essence. The analysis of Even folklore showed that insect images play an important role in shaping the mythological picture of the Even world. Myths about mosquitoes, in particular, symbolize the struggle between good and evil and inevitable troubles. Prohibitions on complaining about mosquitoes reflect mythological and educational aspects aimed at maintaining harmony with the environment. Lice among the Evens are multifunctional symbols that foretell trouble or death. Their appearance in a mythological context can be interpreted as a sign of intervention by supernatural forces. In the epic, lice symbolize the life cycle, which emphasizes their importance in understanding human destiny. Even signs associated with beetles indicate their connection with weather phenomena. The activity of beetles is considered an indicator of upcoming changes in nature, which indicates the Evens' deep understanding of natural cycles. The hairy caterpillar in mythology acts as the spirit-master of the deer. The caterpillar symbolizes the cyclical nature of natural processes and the harmony between man and nature. The research prospects involve an in-depth study of the symbolic images of insects in Even folklore, as well as an expansion of the geographical and temporal context of the study to identify universal and specific characteristics of the perception of these images by different ethnic groups.

Keywords: prohibitions; folklore; insects; signs; symbolism; epic; mythology; linguaculture; Even language; image

For citation: Kuzmina, R. P. Symbolic images of insects in Even folklore. *Eposovedenie*. 2025;3(39):142–152 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-142-152>.

Введение

Образы насекомых в эвенском фольклоре представляют собой недостаточно исследованную, но чрезвычайно важную область, требующую многоаспектного и междисциплинарного анализа. Эвенская мифология, богатая архаическими символами и метафорами, содержит значительный пласт энтомологических мотивов, которые до сих пор не получили должного внимания со стороны научного сообщества. Исследование символики насекомых в контексте эвенской этнокультурной традиции способствует углублению понимания традиционных форм символической интерпретации и выявлению ключевых аспектов мировоззрения и ценностных ориентаций этноса. Н. И. Толстой обоснованно утверждал, что интеграция этнографии и фольклористики в комплекс этногенетических исследований, направленных на реконструкцию

праславянского состояния, является методологически оправданной и эвристически продуктивной [1, с. 42]. А. В. Гура отмечает, что символика животных в различных жанрах отражает фундаментальные механизмы культурной системы. Внутренние жанровые закономерности в значительной степени определяют процессы символизации. Мифологическая символика варьируется в зависимости от жанровых или культурных форм и языковых структур [2, с. 761]. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова высказывают мнение, что животный мир функционирует как метафорическая репрезентация человеческого социума, что приводит к наделению животных функциями репрезентативных носителей специфических индивидуальных или социальных характеристик, присущих человеку [3, с. 10].

В последние десятилетия наблюдается значительное увеличение числа научных публикаций, посвященных исследованию символических образов насекомых в фольклорных традициях различных народов. В целях экспликации семантического содержания исследуемой мифологии авторами Ю. И. Ожередовой, А. А. Ярзуткиной и В. С. Титу был проведен всесторонний анализ текстовых источников, освещающих этимологию комаров у этнических групп Сибири и Северной Америки, а также полевых этнографических материалов, собранных у коренных жителей Чукотки [4]. В контексте межкультурной лингвистики, статья Цао Цзяци представляет собой анализ русских пословиц, содержащих компонент «вошь», в сопоставлении с китайским языком [5]. Это исследование позволяет выявить уникальные культурные и семантические особенности восприятия данного образа в разных языковых и культурных традициях. Работа Н. Р. Ойроткиной, Н. В. Ерленбаевой и С. Б. Сарбашевой представляет собой детальный анализ энтомологической лексики алтайского языка и его диалектов, используемой для номинации двукрылых насекомых. В статье рассматриваются лингвокультурные контексты, включающие фразеологизмы, пословицы, загадки и сказания, которые репрезентируют двукрылых насекомых в алтайской культуре [6]. Исследование А. А. Бадмаева направлено на выявление комплекса традиционных воззрений бурятов, связанных с насекомыми [7].

В основу настоящего исследования легли виды малых жанров фольклора – приметы и запреты, представленные в таких публикациях, как «Эвенский фольклор» Е. Н. Боковой [8], «Малые жанры эвенского фольклора» А. А. Бурыкина [9] и «Эвены и эвенки юго-восточной Якутии» С. И. Николаева [10]. Известно, что малые тексты фольклора имеют устойчивый, формульный характер [2, с. 25]. Особое внимание в исследовании было уделено мифологическим сюжетам о происхождении комаров, зафиксированным у березовских и оймьяконских эвенов и опубликованным В. А. Роббеком [11, с. 207–210] и Е. А. Даниловым [12, с. 22]. Эти материалы позволили глубже понять мифологическую картину мира эвенов и выявить ключевые аспекты этнического мировоззрения. Кроме того, для анализа символического образа вши было использовано эпическое сказание «Нёлтэк», которое является важным источником для изучения символики и культурных представлений эвенов [11, с. 301–357]. В качестве дополнительного материала использованы полевые данные, собранные автором в ходе экспедиционных исследований, проведенных в селе Себян-Кюель Кобяйского района Республики Саха (Якутия) в 2008 г.

Кулин ‘комар’

В языковой картине мира со значением ‘комар’ выступают лексические единицы *кулин* (зап.) и *куличан* (вост.). В ольском говоре лексема *кулин* дополнительно обозначает ‘пора появления комаров’, что свидетельствует о ее функциональной полисемии. Эти лексемы генетически восходят к тунгусо-маньчжурскому корню *кули-* [13, с. 1441], которая имеет обобщенное значение ‘насекомое’ [14, с. 430; 15, с. 154].

В рамках традиционного мировоззрения эвенов, укорененного в экосистемном понимании природы, существует комплекс запретов-оберегов, направленных на предотвращение избыточного размножения комаров. В частности, эвены придерживаются убеждения, что целенаправленное уничтожение комаров может привести к их массовому размножению. Эта идея основывается на концепции, согласно которой вмешательство в экосистему нарушает ее баланс,

что, в свою очередь, может вызвать компенсаторные механизмы, способствующие увеличению численности комаров, например: *Кулим эдилдэ эннийэ маврар, гөни биситэн, нонан хоялбудин, гөүнэр* 'Нам говорили, что нельзя специально комаров истреблять, их станет еще больше' [13, с. 1442].

Корреляции таких запретов, связанные с комарами, зафиксированы у ненцев: «Нельзя убивать первого и последнего комар в сезоне. Первые комары пия́ тар' являются пищей для рыб, поэтому нельзя их убивать» [16, с. 105]. Причина запрета на убийство первого комара в сезоне объясняется его значением в пищевой цепи. Убийство этих комаров нарушает этот естественный порядок, потенциально негативно влияя на популяцию рыб. Это демонстрирует уважительное отношение ненцев к природе и понимание сложных экологических взаимосвязей. Уничтожение первого комара рассматривается не просто как убийство насекомого, а как вмешательство в природный цикл, что может иметь непредсказуемые последствия.

В мифологическом сознании эвенов табу на убийство последнего комара в сезоне имеет глубокий символический смысл, отражающий цикличность и завершенность природного процесса. С точки зрения этноэкологических представлений, данный запрет можно рассматривать как проявление уважения к естественному завершению жизненного цикла комаров, что, в свою очередь, является частью более широкой концепции гармонии между человеком и природой. Убийство последнего комара в этом контексте можно интерпретировать как нарушение целостности природного цикла, аналогичное вмешательству в его начало. Это действие может быть воспринято как десакрализация и разрушение естественного порядка, что противоречит фундаментальным принципам устойчивого сосуществования с окружающей средой, характерным для традиционных обществ. Таким образом, запрет на убийство последнего комара представляет собой не только экологический, но и культурный императив, отражающий глубокое понимание эвенами сложной взаимосвязи всех элементов экосистемы.

В контексте мифологических воззрений эвенов, запрет на выражение недовольства по поводу наличия комаров приобретает особое значение. Согласно этим представлениям, негативное отношение к комарам может спровоцировать их массовое нашествие, что подтверждается следующим примером: *Куличан хояван энмэй эркэр – нонан ходмарач хоялбудин* 'Нельзя злиться, если много комаров – комаров будет еще больше' [9, с. 219]. Эта сентенция отражает глубоко укорененное в культуре эвенов убеждение в том, что эмоциональная реакция человека на природные явления может иметь непосредственное влияние на их последующее развитие.

Аналогичное предостережение можно встретить и в другой форме: *Кунал, Куличан хояван эдилрэ авдатта!* 'Дети, не обращайтесь внимания на наличие множества комаров' [8, с. 187]. В данном случае акцентируется внимание на необходимости воспитания у молодого поколения сдержанности и принятия окружающей среды в ее естественном состоянии, что является важным аспектом формирования экологической культуры и мировоззрения в целом.

В эвенском фольклорном тексте «Куличар дюгулитэн» («О комарах») представлен этиологический миф, объясняющий существующий у эвенов, запрет на убийство комаров. Сюжет развивается следующим образом: «Однажды летом стали комары осаждать женщину. Она сшила из ровдуги мешочек и стала ловить комаров и собирать в мешочек. Набрала полный мешочек и подвязала его к зимней кухлянке. Пришли холода, женщина надела кухлянку, а мешочек выбросила на мороз, сказав: "Мне тепло, а вы теперь замерзайте!". Вновь наступило лето, комары напали на женщину, выпили из нее всю кровь. С тех пор комаров не убивают» [8, с. 186–187]. Это событие, по всей видимости, воспринимается как акт возмездия за предыдущие действия, что приводит к формированию устойчивого табу на убийство комаров. Данный миф, таким образом, выполняет функцию социального регулятора, закрепляя нормы поведения и взаимодействия с природой в традиционном эвенском обществе.

В лингвокультуре эвенов сформировалась система примет, связанных с комарами, которые отражают глубокие познания эвенов в области феноменологии окружающей природы. Эти

приметы представляют собой вербальные артефакты, фиксирующие наблюдения за биологическими циклами и экологическими особенностями. Приметы эвенов демонстрируют высокий уровень экологической осведомленности и интеграцию знаний о природных явлениях в повседневную жизнь этноса, например: *Эрэк авдири дюгулин болла эчин гәүнэр, авдири ярокон, эрэк нөчэ ихудин, гөникэн нян мавдили урдин, гөникэн* 'О грозе также говорили, что обычно после грозы начинают цвести растения и оживают насекомые' [17, с. 135].

В фольклоре эвенов Березовки существует мифологическое объяснение происхождения комаров и их характерного страха перед огнём. Миф повествует о том, что комары произошли из экскрементов сатаны (дьявола) [10, с. 208]. Это указывает на представление о комарах как о чем-то нечистом, низменном, порождённом злом. Сам акт творения комаров из испражнений сатаны подчеркивает их презренное происхождение в эвенской космогонии. Далее миф описывает вмешательство Бога [10, с. 208]. Для того, чтобы усмирить или хотя бы запугать сатану, Бог использовал огонь – мощную и сакральную силу во многих культурах, в том числе и у эвенов. Использование огня Богом как средства воздействия на сатану подчёркивает его силу и власть над силами зла. Ключевой момент мифа – то, что страх перед огнём, присущий комарам, является не врождённым свойством, а следствием этого события. Комары, будучи созданными из испражнений сатаны, испытали ужас перед божественным огнём, и этот страх передался им как видовое свойство. Таким образом, миф объясняет наблюдаемое в реальности явление – избегание комарами огня – как следствие мифологического события, произошедшего в далёком прошлом.

В мифологическом нарративе юкагиров наблюдается сюжет, аналогичный эвенскому, где Христос использует огонь для изгнания комаров, что представляет собой яркий пример параллелизма между мифологическими традициями различных этносов. Этот факт свидетельствует о глубоких культурных и религиозных связях между народами, отражая сложные процессы межкультурного взаимодействия и обмена. В частности, в фольклорных текстах юкагиров Верхней Колымы представлен следующий сюжет: «Христос что только не делал, чтобы избавиться от этой напасти. Что только он не придумывал и, наконец, развел большой костер, взял большую дымящуюся палку и сунул черту в рот. И этим остановил льющийся водопад из комаров, мошек, оводов. Поэтому люди летом разводят дымокур и этим отпугивают комаров» [18, с. 146].

Согласно другой эвенской версии о происхождении комаров, Микола после сотворения земли сказал: «Пусть ни одного комара не будет». На это черт ответил: «Пусть комары останутся на Земле, чтобы человек не радовался и не возгордился. Чтобы людей было меньше». С тех пор на земле появились комары [11, с. 210]. В основе лежит конфликт между Миколой и чертом (дьяволом). После сотворения, Микола выражает желание, чтобы на Земле не было комаров. Это указывает на то, что комары представляются как нечто негативное, неприятное, нежелательное в идеальном мире. Это желание Миколы отражает человеческую тягу к комфорту и отсутствию мучений. Черт, антагонист в этой истории, противостоит желанию Миколы. Он не только не соглашается с уничтожением комаров, но и настаивает на их присутствии на Земле. Черт обосновывает свой отказ двумя причинами: предотвращение человеческой радости и гордыни; присутствие комаров служит для того, чтобы люди не чувствовали себя слишком комфортно и не гордились своим положением [11, с. 210]. Это подчеркивает идею о том, что страдание и неудобства сдерживают человеческую гордыню и чрезмерную самонадеянность. Также это указывает на более зловещую роль черта, стремящегося к ограничению человеческого рода. В результате противостояния Миколы и черта, комары остаются на Земле. Данное событие объясняется как результат сверхъестественного вмешательства, где злые силы препятствуют идеальному плану творца.

В одном из мифов, который был записан от оймьяконского сказителя Е. А. Данилова, рассказывается, что изначально бог создал комаров большими, величиной с кулика. Однако, как утверждает миф, чёрт, вмешавшись, изменил этот замысел. Он дунул на комаров и произнёс:

«Будьте маленькими, но многочисленными, и без заднего отверстия!». В результате этого комары стали маленькими, но их количество значительно возросло, а способность к размножению исчезла. Именно поэтому теперь комары, насытившись, погибают [12, с. 22]. Миф объясняет малый размер и короткую продолжительность жизни комаров вмешательством злой силы, изменившей первоначальный замысел бога. Он представляет собой интересный пример эвенской космогонии и антропоморфного восприятия мира природы, где божественные и демонические силы влияют на создание и характеристики живых существ. Мифологическое объяснение биологического процесса – отсутствия у комаров анального отверстия – заменяет научное понимание их физиологии.

Хтоническая природа комаров находит свое отражение в мифологических нарративах различных этносов, например, в одном из вариантов мифа о происхождении комаров, зафиксированном у чукчей, мужчина решает взять новую супругу, что вызывает глубокое негодование его старой жены. В порыве ярости она обрезает свои лобковые волосы и, произнеся заклинание, развеивает их по ветру. Эти волосы, подвергнутые магическому воздействию, трансформируются в комаров, которые преследуют чавчыва и его молодую жену в момент их уединения, нещадно их кусая. В предании говорится: «Именно так появились комары, и именно поэтому у чукотских женщин наблюдаются редкие лобковые волосы, известные как “ылькаргыт”» [4, с. 169].

В традиционных верованиях многих народов комар наделяется исключительно негативной символикой, выступая как воплощение зла и несчастья. Например, в мировоззрении коряков «комаров считали посланцами нинвитов (болезнь, зараза, всякая неудача, несчастье, всякая тревога, схватывающая человека по тем или иным причинам) или даже самими демонами; думали, что выпитая комаром кровь достается нинвитам» [19, с. 260]. В корякской культуре образ комара выступает как символ несчастья, бедности, болезни и демонического вмешательства в жизнь человека. Укус комара – это не просто неприятное ощущение, а акт насилия со стороны потусторонних сил, связанный с потерей жизненной энергии и привлечением негативных влияний. Это убедительно демонстрирует глубокую взаимосвязь между материальным и духовным миром в традиционных верованиях коряков.

Кумкэ ‘вошь’

В эвенской языковой картине мира лексема *кумкэ* является специализированным термином, обозначающим ‘вошь’ [14, с. 430; 15, с. 154].

В рамках этнолингвистических исследований, направленных на изучение семантики и функциональной роли примет в различных культурных традициях, приметы, содержащие компонент «вошь», представляют особый интерес. Они демонстрируют значительное разнообразие интерпретаций, что обусловлено спецификой этнолингвистической картины мира каждого народа. В эвенском фольклоре, например, можно выделить следующие прогностические приметы, связанные с данным компонентом: *Ач кумкэлэ бэй кумкэлбэрин бэйлэ биргэ оннаван дюлиттэн* ‘Человек, у которого не было вшей, вдруг вшивым стал – какую-то беду себе предвещает’ [9, с. 243]; *Завшиветь* – к скорой смерти [10, с. 200]. Эти приметы указывают на то, что появление вшей у индивидуума может быть интерпретировано как предвестник неблагоприятных событий, предзнаменование беды или смерти, что свидетельствует о сложной символике, связанной с данным явлением в эвенской культуре.

Русский фольклор также содержит приметы, связанные со вшами. Полное отсутствие вшей у человека рассматривается как признак несчастья или предвестие скорой смерти. Более того, внезапное или обильное появление вшей интерпретируется как неблагоприятный знак [20, с. 123]. Таким образом, в русской традиции вши символизируют разнообразные негативные события или состояния, что говорит о глубокой интеграции этих символов в систему мировоззрения и культурную парадигму.

С. Н. Николаев зафиксировал у томпонских эвенов специфическую табуацию, связанную с использованием гребня. Согласно данному табу, категорически запрещается давить вошь на

гребне, поскольку это действие может привести к утрате его способности эффективно очищать волосы от насекомых [10, с. 199]. Семантика данного запрета заключается в том, что умерщвление вши символически ассоциируется с различными неблагоприятными событиями.

В ходе анализа мифологических и этнографических источников, посвященных символике сна у различных народов, были выявлены специфические интерпретации, связанные с образом вшей. В частности, мифологическая традиция эвенов интерпретирует приснившихся насекомых, включая вшей, как предзнаменование болезни у человека¹. Это свидетельствует о существовании у эвенов устойчивой корреляции между сновидениями и состоянием здоровья, что отражает архаическое мировоззрение, где сон рассматривается как канал передачи сакральной информации.

В отличие от эвенской традиции, славянская культурная парадигма демонстрирует диаметрально противоположную трактовку данного символа. У славян сон, в котором присутствуют вши, ассоциируется с финансовым благополучием и увеличением материального достатка [21, с. 448]. Эта интерпретация отражает иную символическую систему, где вши могут рассматриваться как символ настойчивости и трудолюбия, что в конечном итоге приводит к материальным успехам.

В мифопоэтической традиции березовских эвенов символ вши в контексте эпического нарратива выполняет функцию метафоры человеческой жизни, что наиболее ярко проявляется в эпосе «Нёлтэк». В данном произведении вошь выступает как неотъемлемый элемент антропоморфного кода, воплощающий идею о хрупкости и уязвимости человеческого существования. В тексте эпоса находим следующий фрагмент:

*...Тек мин дыллава гэлэтли, хөр-хөр
Кумкэ бидин тала, хөр-хөр
Бакми, тарав чилкали, хөр-хөр
Таракам би көкэдим.*

*Нёлтэк, хоуникан, орми дыллон кумкэв
гэлэтэдилрэн. Нян бакран кумкэв. Ноуан
дюллэ эч мамса тарав кумкэв. Бэйдэ эч хар,
он-оа, ок-та чилкарий. Оран гөкэсэснэн.
Нёлтэк мэддэн: оранни көкэддэн. Оранни
көкэрин... [11, с. 327].*

...А сейчас ищи в моей голове, хөр-хөр,
там есть вошь.
Найди ее и раздави, хор-хор,
тогда я умру.

Нёлтэк, плача, начала искать в голове оленя
своего вошь. И нашла. Но сначала не хотела
давить. А потом не заметила, как придавила.
Олень задрожал всем телом и умер...
[11, с. 357].

Данный эпизод иллюстрирует тесную взаимосвязь между микрокосмом и макрокосмом в мировоззрении эвенов. Вошь, являясь частью биологического мира, приобретает символическое значение, отражая ключевые аспекты человеческого бытия. Ее присутствие в голове оленя символизирует жизненную силу и энергию, а уничтожение вши становится метафорой неизбежной смерти.

Көүкэвкй 'жук' и дэбули магдили 'мохнатая гусеница'

В рамках исследования лингвокультурной специфики эвенского языка выявлено многообразие лексем, обозначающих 'жука'. В различных говорах и диалектах эвенского языка зафиксированы следующие варианты: *көүкэвкй, кемкар, кёмкарāми, эткэмэскис* [22, с. 152]. В ламунхинском говоре наблюдается наличие инсектонима *онтокос*, который представляет собой специализированную лексему, идентифицирующую жука-долгоносика. Кроме того, данный энтомологический таксон имеет особое значение в культурном контексте ламунхинских эвенов, где он известен под дополнительным этнонимом *авдири комторгонни* [23, с. 3]. Этот термин,

¹ Полевой материал автора Р. П. Кузьминой Р. Интервью в местности Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия): записано в сентябре 2005 г.

в переводе означающий ‘грозовой жук’ или ‘жук, предвещающий грозу’, свидетельствует о глубокой интеграции природного мира в мифологическую и символическую систему этноса.

Приметы, включающие в себя компонент «жук/онтокос» в этнофольклорной традиции эвенов, представляют собой результат многовековых наблюдений за природными явлениями. В частности, эвены отмечают корреляцию между увеличением численности жуков и ухудшением погодных условий, что выражается в следующей примете: *Онтокос хоя орокон – төгэчин омонлон* ‘Если жуков много стало – это к плохой погоде’ [23, с. 3]. Этот эмпирический факт указывает на то, что рост популяции этих насекомых может служить предвестником метеорологических изменений, таких как осадки или грозовые явления.

В контексте изучения биологического поведения насекомых и их адаптаций к изменениям окружающей среды представляет интерес наблюдение, зафиксированное в фольклоре: *Удан эмдэй нэктэкэн комторгол дюла иврэр* ‘Перед дождем жуки заползают в дом’ [23, с. 3]. Данный феномен обладает значительным эвристическим потенциалом для понимания механизмов экологической адаптации членистоногих и их способности к прогностическому поведению в отношении неблагоприятных метеорологических условий. Реакция жуков на приближение осадков служит важным индикатором для человека, предвещающим изменение погодных условий.

В эвенской мифопоэтической традиции, где доминирует символика природного мира, *дэбули магдили* ‘мохнатая гусеница’ занимает особое место, являясь персонификацией духа-хозяина оленя. В этом контексте гусеница не просто природный объект, а сакральный символ, ассоциирующийся с духовными сущностями, которые контролируют популяции животных. В качестве наглядной демонстрации этого феномена можно привести одну из примет, в которой фигурирует рассматриваемый символ: *Дэбули магдили – оран муранни (мусанни) дюла ирэкэн – як-ут-та учик один* ‘Если мохнатая гусеница – дух-хозяин оленя попадет в дом – будет какое-то происшествие’ [9, с. 240]. Эта примета отражает убеждение эвенов в том, что присутствие духа оленя в человеческом жилище может вызвать изменения в повседневной жизни, возможно, непредвиденные события, которые следует интерпретировать как знаки, подаваемые духами природы.

В контексте изучения поведенческих паттернов насекомых в ответ на изменения метеорологических факторов можно привести этнометеорологическую примету в качестве иллюстративного примера: *Дэбули магдилив ман: оран мураман (мусаман) мари урэчин; маракас, оранси этэр аич бис, манудир* ‘Если убить мохнатую гусеницу – это все равно что убить духа-хозяина оленей: если ты ее убьешь, твои олени не будут хорошо жить, уменьшатся в числе’ [9, с. 240]. В этой примете отражено глубокое понимание эвенами тесной взаимосвязи между человеком и природой, где любое вмешательство в экосистему может привести к серьезным последствиям. Убийство гусеницы, символизирующей духа-хозяина, рассматривается как нарушение природного баланса, что неизбежно скажется на благополучии оленьих стад.

Заключение

Таким образом, в сознании эвенов образ комара характеризуется как негативное природное явление, приносящее людям и животным мучения и страдания. Эвенские запреты на выражение недовольства по поводу комаров следует рассматривать как комплексный феномен, включающий в себя как мифологические, так и воспитательные аспекты, направленные на поддержание гармонии с природой и предотвращение негативных последствий для человека и окружающей среды. Мифы о происхождении комаров – это аллегория, показывающая борьбу добра и зла, идеала и реальности. Они также отражают народные представления о природе зла и его влиянии на человеческую жизнь. Комары становятся символом неизбежных неприятностей и страданий, с которыми человечество должно справляться.

Анализ примет позволяет сделать вывод о том, что вши в различных культурах выступают как многофункциональные символы, обладающие амбивалентной семантикой. С одной стороны, их наличие или отсутствие может рассматриваться как индикатор физического

состояния человека, с другой – как метафора, отражающая его социальное, моральное или духовное состояние. Это свидетельствует о высокой степени символизации в традиционных культурах и их способности к интерпретации явлений через призму мифологических и фольклорных представлений. В эпосе «Нёлтэк» вошь занимает важное символическое место, выступая метафорой жизненного цикла и непрерывности существования. Этот образ глубоко укоренен в мифологической традиции и отражает представления о жизни как о циклическом процессе, в котором даже самые незначительные элементы играют свою роль. Вошь в данном контексте символизирует не только биологическую жизнь, но и более широкие философские концепции, связанные с возрождением, трансформацией и взаимосвязанностью всех живых существ.

Эвенские приметы, включающие компонент «жук», демонстрируют наличие корреляции между активностью этих насекомых и изменениями метеорологических условий, что подтверждается эмпирическими данными и многовековым опытом наблюдения. Эти приметы, являющиеся частью этноэкологических знаний, отражают глубокие наблюдения за природными циклами и их влиянием на поведение и активность жуков. В частности, активность жуков часто коррелирует с изменениями температуры, влажности и атмосферного давления, что делает их индикаторами климатических изменений.

В эвенской мифопоэтической традиции мохнатая гусеница занимает важное место, выступая в качестве персонификации духа-хозяина оленя. В этом контексте гусеница не просто воспринимается как естественный объект, а рассматривается как сакральный символ, связанный с духовными сущностями, которые контролируют популяции животных. Данный аспект мифопоэтической системы эвенов подчеркивает их глубокое понимание и уважение к природным циклам и экосистемам, что является характерной чертой многих архаичных культур.

Литература

1. Толстой Н.И. Язык и народная культура. В кн.: Толстой Н.И. *Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Изд. 2-е. Москва: Индрик; 1995:15–27.
2. Гура А.В. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик; 1997:912 (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).
3. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. *Телесный код культуры: материалы к словарю*. Москва: Гнозис; 2007:288.
4. Ожередова Ю.И., Ярзуткиной А.А., Титу В.С. Комары в чукотской мифологии: к вопросу семантики мифологемы. *Современная научная мысль*. 2020;(6):165–173.
5. Цао Цзяци. Компонент «вошь» в русском паремнологическом пространстве (на фоне китайского языка). *Филология и культура. Philology and culture*. 2019;55(1):102–108.
6. Ойноткинова, Н.Р., Ерленбаева, Н.В., Сарбашева, С.Б. Наименования двукрылых насекомых в алтайском языке (на материале фольклора). *Этнология*. 2024;4(36):46–58. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2024-4-46-58>
7. Бадмаев А.А. Энтомологические образы в мировоззрении бурят. *Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия: История, филология*. 2020;19(3):110–118.
8. Бокова Е.Н. *Эвенский фольклор*. Якутск: Бичик; 2002:216 (на эвенском яз.).
9. Бурькин А.А. *Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты)*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение; 2001:288 (на эвенском и рус. яз.).
10. Николаев С.И. *Эвены и эвенки юго-восточной Якутии*. Якутск: Якутское книжное изд-во; 1964:201.
11. Роббек В.А. *Фольклор эвенов Березовки: образцы шедевров*. Якутск; Северовед: 2005:360 (на эвенском и рус. яз.).
12. Данилов Е.А. *Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ*. Якутск: Розовая чайка; 1991:48 (на эвенском и рус. яз.).
13. Кузьмина Р.П. Репрезентация концепта КОМАР в эвенской языковой картине мира. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023;16(5):1440–1443.
14. Цинциус В.И. (ред.). *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*: Ленинград: Наука; Т. 1; 1975:672; Т. 2; 1977: 992.

15. Роббек В.А., Роббек М.Е. (ред.) *Эвенско-русский словарь*. Новосибирск: Наука; 2005:353.
16. Харючи Г.П. *Природа в традиционном мировоззрении ненцев*. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация; 2012:160.
17. Шарина С.И., Кузьмина Р.П., Нестерова Е.В. и др. *Вербальные традиции эвенов Якутии*. Новосибирск: Наука; 2023:344 (на эвенском и рус.). (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 46).
18. Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагиров Верхней Колымы. В кн.: Габышева Л.Л. и др. (ред.) *Язык – миф – культура народов Сибири*. Вып. 2. Якутск: ЯГУ; 1991:146–167.
19. Христофорова О. *Мифы северных народов России. От творца Нума и ворона Кутха до демонов кулей и злых духов кана*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2023:288.
20. Петрухин В.Я., Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н., Толстая С.М. (ред.) *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Москва: Эллис Лак; 1995:416.
21. Толстой Н.И. (ред.) *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Том I: А–Г. Москва: Международные отношения; 1995:578.
22. Цинциус В.И., Ришес Л.Д. (ред.) *Русско-эвенский словарь*. Москва: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей; 1952:777.
23. Кузьмина Р.П. Понятийные признаки концепта ЛЕТО в эвенской языковой картине мира. *Russian Linguistic Bulletin*. 2022;34(6):1–5.

References

1. Tolstoy NI. *Language and folk culture*. In: Tolstoy NI. (ed.) *Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. 2nd ed. Moscow: Indrik Publ.; 1995:15–27 (in Russian).
2. Gura AV. *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik Publ.; 1997:912 (in Russian). (Traditional spiritual culture of the Slavs / Modern research)
3. Gudkov DB., Kovshova ML. *The body code of culture: materials for a dictionary*. Moscow: Gnosis Publ.; 2007:288 (in Russian).
4. Ozheredova YuI., Yarzutkina AA., Titu VS. Mosquitoes in Chukchi mythology: on the issue of the semantics of the mythologem. *Modern scientific thought*. 2020;(6):165–173 (in Russian).
5. Cao Jiaqi. The component “louse” in the Russian paremiological space (against the background of the Chinese language). *Philology and culture*. 2019;55(1):102–108 (in Russian).
6. Oinotkinova NR., Erlenbaeva NV., Sarbasheva SB. Names of dipterous insects in the Altai language (based on folklore). *Eposovedenie*. 2024;4(36):46–58 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2024-4-46-58>
7. Badmaev AA. Entomological images in the worldview of the Buryats. *Bulletin of the Novosibirsk State University (NSU). Series: History, Philology*. 2020;19(3):110–118 (in Russian).
8. Bokova EN. *Even folklore*. Yakutsk: Bichik Publ.; 2002:216 (in Even).
9. Burykin AA. *Minor genres of Even folklore. Riddles, proverbs and sayings, prohibitions-amulets, customs and prescriptions, signs (research and texts)*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ.; 2001:288 (in Even and Russian).
10. Nikolaev SI. *Evens and Evenki of southeastern Yakutia*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House; 1964:201 (in Russian).
11. Robbek VA. *Folklore of the Evens of Berezovka: examples of masterpieces*. Yakutsk; Severoved Publ.; 2005:360 (in Even and Russian).
12. Danilov EA. *Irkenmel, Oyinde, Metele*. Yakutsk: Pink Seagull Publ.; 1991:48 (in Even and Russian).
13. Kuzmina RP. Representation of the concept KOMAR in the Even language picture of the world. *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023;16(5):1440–1443 (in Russian).
14. Tsintsius VI. (ed.) *Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages. Materials for the etymological dictionary*: Vol. 1; Vol. 2. Leningrad: Nauka; 1975:672 (Vol. 1); 1977:992 (Vol. 2).
15. Robbek VA., Robbek ME. (eds.) *Even-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2005:353.
16. Kharuchi GP. *Nature in the traditional worldview of the Nenets*. Saint Petersburg: Historical illustration Publ.; 2012:160 (in Russian).
17. Sharina SI., Kuzmina RP., Nesterova EV. et al. *Verbal traditions of the Evens of Yakutia*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2023:344 (in Even and Russian). (Monuments of the ethnic culture of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; Vol. 46)

18. Zhukova LN., Prokopyeva PE. Folklore texts of the Yukaghirs of the Upper Kolyma. In: Gabysheva LL. et al. (eds.) *Language – myth – culture of the peoples of Siberia*. Vol. 2. Yakutsk: YaSU Publ. House; 1991:146–167 (in Russian).

19. Khristoforova O. *Myths of the northern peoples of Russia. From the creator Numa and the raven Kutkha to the demons Kule and the evil spirits of Kan*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ. House; 2023:288 (in Russian).

20. Petrukhin VYa., Agapkina TA., Vinogradova LN., Tolstaya SM. (eds). *Slavic mythology. Encyclopedic dictionary*. Moscow: Ellis Lac Publ.; 1995:416 (in Russian).

21. Tolstoy NI. (ed.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*: in 5 volumes. Vol. 1: A–G. Moscow: International relations Publ.; 1995:578 (in Russian).

22. Tsintsius VI., Riches LD. (eds.) *Russian-Even dictionary*. Moscow: State Publ. House of Foreign and National Dictionaries; 1952:777.

23. Kuzmina RP. Conceptual features of the concept SUMMER in the Even language picture of the world. *Russian Linguistic Bulletin*. 2022;34(6):1–5 (in Russian).

Об авторе

Кузьмина Раиса Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела северной филологии ФГБУН «Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук», ORCID: 000-0003-4964-3448, Researcher ID: K-1522-2018, SPIN: 5134-1230, e-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru.

About the author

Raisa P. Kuzmina, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of Northern Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, ORCID: 000-0003-4964-3448, Researcher ID: K-1522-2018, SPIN: 5134-1230, e-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию 21.08.2025 / Submitted 21.08.2025

Принята к публикации 09.09.2025 / Accepted 09.09.2025